

Из тетради воспоминаний Геннадия Преферансова

1948 г.

Бал-маскарад

Говорят, как встретишь Новый год, так будет весь год. У нас в Ленинске Новый год всегда встречали в кинотеатре им. Кирова. Устраивали бал-маскарад. Выносили кресла из зрительного зала и где-то с 10 часов вечера на сцене появлялся оркестр нашей средней школы и под звуки популярной тогда музыки из весёлых ребят «Черная стрелка проходит циферблат, быстро как белка колеса стучат» открывался бал-маскарад. Вход бесплатный, но не свободный: пропускали только в масках. Главный контролёр Наталья Ивановна Артёмова (соседка и подружка ...). конечно зрительный зал не был натоплен, было очень холодно вначале, а примерно через 2 часа уже было жарко: народу битком. Но на этот раз мне был не страшен холод. У меня был костюм, который носят чукчи – кухлянка¹ и торбоза² из оленьего меха. Я даже не надевал маску, а лицо вымазал коричневой краской. В руках у меня лыжная палка.

И вот в три часа ночи объявляют победителей. За лучшее исполнение песен, за лучшее исполнение танцев и, наконец, за лучшие костюмы... «человеку с Севера – второе место». Я выхожу на сцену и жюри мне вручает красивую пудреницу с пудрой. Когда я открываю лицо – смех, веселье! Никто не ожидал. Теперь хочу объяснить почему я начал писать свои воспоминания именно с 1948-го года, со встречи. Надеюсь для потомков будет интересно прочитать. Пусть это будет 2-я глава моих мемуаров. До 1948-го года прошло моё детство. А с 1948-го начинается моя юность. В этом году я кончаю школу. Моя мечта уехать из Ленинска, поступить в институт, стать инженером, достичь вершин науки – эпитафия к одному из своих

1 Кухлянка одевалась через голову. (прим. автора)

2 Меховые сапоги без подошв. (прим. автора)

школьных сочинений я написал:

«В науке нет широкой столбовой дороги. И только тот достигнет ее сияющих вершин, кто не страшась труда карабкается день и ночь по ее каменным тропам».

В наше избе-читальне в Ленинске я штудировал журналы «Техника Молодежи». Больше всего меня сначала поразило, а потом я досконально, подробно изучал элементарные частицы. А в научно-популярных брошюрах я узнал, как устроены ракеты, их конструкции. Немецкие ФАУ-1, ФАУ-2. В 1947 году ФАУ-2 запускали у нас в степи, на полигоне Копьяр. Топливо спирт 4 тонны, окислитель жидкий кислород 5 тонн (об этом мне рассказал Сергей Михалёв, мой дружок, он окончил наше Ленинское медучилище и работал в Копьяре фельдшером. К ним привезли очень много солдат, которые отравились спиртом). В школе самый любимый мой предмет был физика. Алгебра, геометрия, особенно стереометрия, астрономия, литература. Любимый поэт – Маяковский. Немецкий, История, Химия – не нравились мне и я их почти не учил. Русский язык мне давался неплохо, грамматических ошибок почти не допускал, а вот запятые, двоеточия, точка с запятой, короче пунктуация – вопрос сложный.

В 10-м классе я уже был заметной фигурой в школе: главный редактор школьной стенгазеты «За учёбу» (выходила регулярно), художественное оформление тоже моё, член бюро школьной комсомольской организации.

А как главный редактор я уже присутствовал на педсоветах: так решил директор школы – вернувшийся с войны в 1945 году бывший учитель по географии Кульбацкий Алексей Николаевич. Оформление наглядной агитации к праздникам он всегда мне поручал. Но в середине учебного 1947-1948 года в райком прислали нового 2-го секретаря и его жену поставили Романову директором нашей школы, что чуть не сыграло роковую роль для меня на 1-м экзамене – сочинение. Но об этом позже.

Итак, наступил 1948-ой год.

Наша семья: мама в настоящее время не работает – домохозяйка. Сестра Люба учится в Ленинском педагогическом училище. Дядя Вася – с 1914-года, младший брат маминого мужа. Пришёл с фронта, а жена его продала дом, «спуталась» с каким-то аферистом с 4-мя детьми уехала в неизвестном направлении, а дядя Вася скитался, опух от голода (голод в 1946-1947 гг.), пока его мама не встретила и не привела к нам. Любина подружка, учится вместе с ней в педучилище (как бы квартирантка), Маруся. Правда дядя Вася говорит, что по татарски ее зовут Магера. Еще у нас 4-е козы. Скоро будут козлята в марте, а значит и будет молоко.

Короче жизнь продолжается. Учеба идет успешно, я чувствую себя взрослым, мне 17. правда рост 1 м 53 см, вес 53 кг. Стараюсь больше заниматься физическим трудом. По вечерам хожу на занятия в школьный спортзал. Очень нравится гимнастика – турник, кольца. Как здорово поймать момент и оказаться вверху – подъем разгибом на перекладине. Идешь вечером домой и чувствуешь какой-то подъем, что ты владеешь своим телом. Впоследствии, когда в летном училище

учили летать – поймать момент вот главное, что требовалось, чтобы овладеть искусством посадки, при выполнении фигуры высшего пилотажа. Но это потом!

Я был без ума от лыж. Обычно спуск с бугра (так мы называли косогор, или, если хотите, возвышенность за Ленинском). Разгоняешься до скорости километров 25-30. В конце разгона – трамплин. Толчок и ты в воздухе! Полет длится секунда, полторы, но то, что ты испытываешь, описать невозможно.

В школе у меня два «друга» Геннадия – Андреев и Александров – получают 3 тезки. Мы называем себя «три мушкетера». Я сочинил песенку: «Девчата смотрят на нас с интересом, мы мушкетёры, тра-ля-ля!!» Теперь нас никто тронуть не посмеет, даже пацаны с Молаканского края. Настоящий у меня друг Петя Макаров. Живет он на берегу Ахтубы. Отец у него милиционер. Мы с ним сдружились в 10-м. иногда вместе учили уроки. Иногда вместе ходили на охоту. Дядя Вася еще в марте уехал ловить сусликов, а мне оставил свое ружье. В прошлом году он брал меня на охоту, научил стрелять уток. Правда ружье старенькое 16-й калибр. Петя мой настоящий друг, мы доверяем друг другу. После окончания школы я собираюсь поступать в Механический институт. Петя в Медицинский. Родители велят. У него очень строгий отец, казак, и что он скажет, то и будет! У Петра есть лодка. Я часто беру у него. Люблю грести на воду. От центра до Бахтияровка часа полтора, потом под воду. Развиваются мышцы рук, плечей, пресс, плечи.

Как-то неожиданно после 1-го и 9-го мая заканчивается учебный год и приближаются экзамены.

В этом году новые правила. Если ученик получает двойку на экзамене, то ему не выдают аттестат зрелости, а он получает всего лишь справку, что он обучался в 10-м классе такой-то школы. Так что ни о каком поступлении в институт не может быть и речи!

1-й экзамен – сочинение – русский письменный и литература. Помню я взял свободную тему – о будущем. Кончилась 3 года назад война, и теперь мы, молодое поколение, будем строить новую прекрасную жизнь, где не будет войн, где люди будут счастливы, перед нашими потомками «миллионы дорог, озарятся лучами науки». Но к вечеру как гром среди ясного неба! Оказывается в моем сочинении, в моих 6-ти листах, столько ошибок, что я оказался в числе тех, кому по русскому светит двойка! А это значит, что я не получу аттестат зрелости, а только справку. Правда это еще не официально, и завтра будет заседать педсовет и будет окончательное решение. Конечно мама была расстроена, не спала всю ночь. Директорша меня ненавидела и она сделает все возможное, чтобы у меня была двойка! Трагедия! Однако на следующий день после обеда узнаем, что ввиду того, что у меня ошибки в основном не грамматические, решили все-таки поставить тройку! Конечно, здесь сыграл роль педсовет и особенно заслуженная учительница РСФСР Тащалкина Анастасия Ивановна. Она хорошо знала моего отца, и когда я был маленький (3-4 года) все учителя радовались, что у него такой сын.

Остальные экзамены сдал в пределах нормы. Алгебра – 5, геометрия – 5, тригонометрия – 4, история – 3, немецкий – 3, химия – 3.

В начале июля получил аттестат зрелости. Стал готовиться в институт. Твердо

решил стать инженером. А у нас в Сталинграде один только институт, где можно выучиться на инженера – Механический. Съездил в Сталинград, узнал какие нужны документы – заявление, автобиография, характеристика школьная, комсомольская, аттестат – подлинник.

Петр Макаров уже сдал документы в Медицинский. Медицинский находился в Бекетовке. Механический – на Тракторном. Наши девчата – Фрида Орлова, Таня Горячёва, Таня Успенская – в педагогический.

И вдруг, уже точно не помню, где-то в середине июля повестка из Военкомата – прибыть к 9.00. прибываю в кабинет ст. лейтенанта Пурыгина. «Что, куда думаешь поступать учиться?» «На инженера в Механический». «А у меня есть предложение, есть разнарядка в авиационное училище морских летчиков!» Морская форма, на голове морская фуражка с авиационными крыльями, на рукавах крылья. Брюки клеш... «Да я конечно. Вот только хотелось бы вдвоем, у меня есть друг Петр Макаров». Пурыгин подумал, позвонил куда-то, переговорил. «Что ж, возьмем и твоего друга». Нашел его документы. Я ему: «Товарищ лейтенант, давайте мне повестку, выпишите, я отнесу!». У меня сразу возникла мысль, чтобы отец его не узнал! Короче отнес я Петру повестку, потом поехали в Сталинград забирать документы. Через некоторое время прошли медкомиссию в Ленинске, потом в Сталинграде.

И вот вызов – прибыть 25 августа в в/ч 10757 для прохождения медицинской комиссии и сдачи экзаменов. Сбор 23 августа 1948 года в Облвоенкомате. Петькин отец в военкомат, а там – «ничего поделывать не можем, на основании закона о воинской обязанности направляется на учебу».

В августе заболела мама. У нее что-то серьезное обнаружили. Дали направление на лечение в Саратов. Где-то в двадцатых числах я проводил ее вечером на железнодорожную станцию. В Баскунчаке у нее пересадка на поезд Астрахань-Москва до Саратова. До сих пор не могу забыть, как мы шли пешком до станции, как попрощались на перроне, как мне было больно с ней расставаться. Через год ее не стало.

Поздним вечером 23-го августа мы на пароходе «Радист Кренкель» отбыли в «дальнее плавание» из славного села Ленинск. Остались за кормой пристань, на берегу пивная «Голубой Дунай», элеватор, вдалеке светились окна здания «томатного». Я тихонько запел: «Прощай проклятый Ленинск, уходим с Петькой в море, и поздней порой остался за кормой знакомый «Дунай Голубой». Петр удивился: «Откуда такая песня?». А я: «Сам не знаю, вот только что сам придумал». Утром приехали в Сталинград, пошли в облвоенкомат, там уже ребят собралось со всех районов области. Человек семьдесят. Многие с рюкзаками, с сумками. А у меня ничего в руках нет! Одежда – гимнастерка, брюки фланелевые, полуботинки брезентовые. Харчи у Петьки в сумке: буханка хлеба, мясо, бутылка молока. В три часа дня нас под руководством двух офицеров отправили на поезде в Ейск.

В Ейске нас разместили недалеко от училища в Кирпичном двухэтажном

здании (бывшая тюрьма). На следующий день медицинская комиссия; так называемая Врачебно-летная комиссия. Комиссия оказалась очень строгая. Из наших сталинградских прошли комиссию только 9 человек, в том числе, что удивительно, и я. Правда в одном из кабинетов, когда меня посадили в кресло и начали крутить, а потом остановили, мне показалось, что кресло падает и я подставил ногу, чтобы не упасть. Врачи: «В чем дело?» «Да кресло падает!» «Пускай падает. Сиди и не шевелись, прислонись к спинке». Снова крутнули. Остановилось. Я сижу. Врач подошел, пристально посмотрел на меня минуты две, потом «Вставай, можешь идти».

Я вышел в коридор. Ребята спрашивают: «Ну что, прошел?!» «Не знаю, ничего не сказали. Вот только когда крутили в кресле в 1-й раз, когда кресло накренилось я подставил ногу». «Значит все, не прошел». «Ладно, не прошел, значит не прошел. С 1-го охота начинается. Пойдем с дядей Васей бить уток казарок!» В это время дверь в кабинет была открыта, на двери была штора. Потом меня снова вызвали в кабинет. И вдруг один из докторов: «Что, поедешь на охоту домой, или летать останешься?» «Конечно, летать!». «Значит договорились, будешь летать». На следующий день сдавали экзамены. Математика, русский, история, физика – для того, чтобы выяснить уровень знаний, короче формально.

Главным было пройти медкомиссию. Затем заключительная мандатная комиссия. В этой комиссии командиры учебных полков, заместители по политчасти, особый отдел и еще много старших офицеров.

Через некоторое время нас переодели в матросскую робу, бескозырки без ленточек и матросский ремень. Целых полтора месяца проходили курс молодого краснофлотца.

За день, когда нас должны были переодевать (мы еще были свободными людьми) с Петром Макаровым на базаре в Ейске я продал свою гимнастерку (остался в одной майке) и купил поллитровую банку меда. Я никогда его не пробовал, даже в первый раз в жизни попробовал. Мы с Петром его с хлебом и распробовали.

После прохождения курса молодого краснофлотца, нам выдали ленточки к бескозыркам с золотой надписью АВИАЦИЯ ВМС, полностью форму – белые брюки, белые форменки, белые бескозырки, черные брюки, темно-синяя форменка, бушлат, шинель, хромовые ботинки, шапку-ушанку.

Приняли присягу (мне 12 октября сравнялось 18). Разместили нас в только что восстановленных пятиэтажных корпусах.

1-й курс – два учебных полка 1-й и 2-й. Я попал во 2-й полк, а Петр в 1-й.

Структура: в каждом полку 2 эскадрильи, в каждой эскадрилье 3 звена, в каждом звене 3 летные группы, в каждой летной группе – 6 человек курсантов. 2 звена – классное отделение. Каждое классное отделение помещается в отдельном кубрике (или спальне). Двухъярусные кровати, матрасы и подушки набиты соломой. Конечно, в армии обязательно должен быть друг, или, хотя бы, хороший товарищ. Мне предложил дружбу Володя Щербин – сталинградский парень. Окончил аэроклуб. Старше меня на 2 года. Он в одной со мной летной группе. Поселились

мы на одной кровати, он на верхнем ярусе, я - на нижнем.

Начались занятия в УЛО – учебно-летном отделе. Просторные светлые аудитории. Предметы – матчасть, теория полета (аэродинамика), теория авиадвигателя, тактика военно-воздушных войск, тактика военно-морских сил, тактика сухопутных войск, метеорология, история ВКП(б), аэронавигация (самолетовождение), физкультура. Каждый день по 6 уроков, затем обед, полтора часа сончас, затем 3 часа самоподготовка, занятия в спортзале, личное время.

Впрочем все по порядку:

6.00 - подъем

с 6.00 до 6.05 – построение

с 6.05 до 6.25 физзарядка

с 6.30 до 6.50 – утренний осмотр

с 7.00 до 7.40 – завтрак

с 8.00 до 13.00 – занятия

с 13.20 до 15.50 – обед

с 14.00 до 15.30 – сончас

с 15.30 до 18.30 – самоподготовка

с 18.30 до 20.00 – занятия в спортзале или тренировка по бальным танцам, хоровое пение

с 20.30 до 21.30 – личное время

с 21.30 до 21.50 – вечерняя проверка

в 22.00 – отбой.

Да! Иностраный – английский. А я в школе немецкий учил. Но в училище очень жесткие требования. За неуспеваемость могут и отчислить. Пришлось заниматься английским все свободное время. Учебник английского у меня почти всегда с собой. Полтора часа – сончас ежедневно, один час – личное время, воскресенье. Месяца через полтора-два английский знал неплохо.

Основные предметы необходимо было знать только на 4 и 5. Это материальная часть самолета, на котором предстояло летать в следующем году, теория полета, тактика военно-воздушных и военно-морских сил, самолетовождение и физкультура. Про физкультуру напишу попозже поподробнее. Наше училище – Военно-Морское авиационное ордена Ленина имени Сталина (ВМАОЛ им. Сталина) одно из старейших авиаучилищ страны. Ведь в России авиация создавалась на базе Военно-морских сил. Знаменитый конструктор самолетов Можайский, создатель Илья Муромца – моряк, легендарный Нестеров, автор мертвой петли – моряк.

В вестибюле УЛО золотыми буквами списки выпускников нашего училища. 16 дважды героев и 128 героев Советского Союза.

Теперь о нашей летной группе: Юдин Володя – с Вольска Саратовской области, Остапенко Володя – наш, из Сталинградской области, Щербинин Володя – из Сталинграда, Рязанов Володя – из Тульской области, Малыгин Сережа – из Астрахани, и я – Преферансов Геннадий. Ребята все старше меня на 2 года. Познакомился вскоре с нами и наш инструктор, который нас будет учить летать –

старший лейтенант Кривега – высокий. «Сказал, что научу всех летать. В увольнении не пить. А если – заходите ко мне». И дал свой адрес. Видать любитель! Правда, весной нам был назначен новый инструктор.

Занятия продолжались до середины марта. И вот весна! Сдаем экзамены по теории и на центральном аэродроме приступаем к предполетной подготовке!

Однако, это уже 1949 год!

1949 г.

1949-й год все курсанты встречали в спортзале. Увольнения были отменены по причине эпидемии гриппа в городе.

Была устроена сцена, где должны были выступать артисты – курсанты. В каждом полку была своя художественная самодеятельность.

Вот такие новогодние самодельные поздравительные открытки посылали мы своим родным, близким, знакомым, любимым (в 1948-м МИГ-15 еще не вышел в серию, а были только еще опытные образцы, однако их силуэты уже появились у нас в училище).

Технология изготовления таких открыток: рисовали на ватмане тушью вот такую картинку, потом фотоаппаратом снимали на пленку, затем печатали на фотобумаге (формат любой!) массовым тиражом.

Конферансье Шмуленсон! Это был юморист каких мало. Говорили, что свои юморески он сочинял сходу, как говорится экспромтом, и к нему обращались даже некоторые известные юмористы из Москвы. Среди курсантов его звали Шмуля. Однажды на концерте в училищном ДКА я присутствовал. Выходит Шмуленсон. Какой-то курсант с галерки кричит: «Привет, Шмуля!». А он мгновенно: «Я всегда говорил, что одна голова хорошо, а полторы – лучше». Конечно аплодисменты и хохот всего зала. От нашего полка самодеятельность: Ванечка Юдин, Вика Ерусенко и еще несколько человек исполняют танец с песней «А поезд шел, а поезд шел, а поезд шел, а поезд шел... в Чикаго».

Распитие спиртных напитков было строго запрещено, но... какая же встреча Нового года без спиртного?! Так что часам к 11-ти почти все курсанты были навеселе. Расскажу каким образом все-таки попадали бутылки в училище. Я был одним из участников операции «С». Погода перед Новым годом была теплая, ни снега, ни мороза. Мне было поручено доставить для нашей летной группы 3 бутылки сорокаградусной. За территорией училища располагались несколько трехэтажных жилых домов, т.н. ДНС (дэ, нэ, Эсы). Дома начальствующего состава. Был там и продуктовый магазин. А недалеко помещалась училищная санчасть. Так что с разрешения старшины я 30-го декабря взял КНИГУ САНЧАСТИ, объяснив, что болит голова, записал свою фамилию, на КПП меня пропустили, я пошел, купил 3 бутылки лимонной настойки, зашел в санчасть, попросил медсестру Клавочку, чтоб она в в книге санчасти отметила, что Преферансов Г. посетил санчасть и затем я свободно прошел через КПП. Бутылки, конечно, в кубрик нести нельзя: в любое

время могли найти! Проверяли каждый день!

Зарыл под деревьями в листья. Вечером 31-го, под покровом темноты отыскал дерево, отрыли бутылки. Ребята ожидали меня в одной из аудиторий УЛЮ.

Короче отметили, подняли несколько тостов за то, чтобы все прошли весной медкомиссию, чтобы все научились летать, за тех, кто в воздухе сейчас и за тех, кто в море.

А в спортзале танцы! На сцене духовой оркестр Военно-Морского авиационного ордена Ленина имени Сталина училища. Матросский вальс. А где же девушки? Вот они! Это наши официантки со столовой. Их всего около двадцати. Но зато какие красавицы. Конечно я не думаю танцевать: не умею, хотя нас раз в неделю обучают бальным танцам.

Стрелки часов приближаются к 12. Вдруг в воздухе оказывается одна из девушек. Кто-то из ребят крикнул: «Качать!», и вот уже девчата мелькают в воздухе, крики, шум, гвалт, визг, но здесь появляется заместитель начальника училища по строевой части полковник Петросян со своей свитой, через курсантов! Его появление чуть не окончилось несчастным случаем. Все разбегаются, а одна девушка, маленькая, толстенькая пампушка в воздухе. Один из курсантов подхватывает все-таки ее, раздаётся грохот, оба падают, наша официантка вскакивает и убегает, а курсант, кажется 3-го курса встает и прихрамывая скрывается в толпе. Все боятся Петросяна. Если он заметит, что курсант пьяный, он немедленно приказывает его арестовать, а затем последует отчисление из училища. Я еще не раз буду писать про Петросяна – это выдающаяся личность.

Где-то через час встреча Нового года закончилась и все согласно команде, отбыли в расположение своих частей. В 2 часа ночи вечерняя проверка и отбой!

В десятом классе я влюбился в Таню Горбачеву. Она появилась у нас в классе вместе с Таней Успенской и Геной Кучерук. В Ленинске и Цареве разместили воинские части, в связи со строительством в степи космического полигона. У Таней отцы были майорами, а у Геннадия Кучерук отец был полковник, жил он в Цареве и каждый день в школу его привозили на легковой (опель-кадет). Была Таня скромная девочка, рыжая, голубоглазая. Конечно, я не подавал вида. Зимой мы начали переписываться. Я писал ей восторженные письма, правда совсем в любви не объяснялся, но старался ей дать понять, что я люблю ее. Писал в эпиграфах стихи, например: «Цвета золота и меди...» - надеюсь поняли, что я имел в виду. А потом неожиданно... оказывается Петр Макаров тоже с ней переписывался. Он не скрывал от меня, что он с ней переписывался и давал мне читать ее письма. А я ему, потому что письма ее были более чем скромными, сдержанными. Фото она прислала и подписала: «В память о школьных днях». Вот однажды Петр дает мне читать письмо от Тани. Конечно, она, наверное, не рассчитывала, что Петр дает мне читать письма. В письме она писала, что вот какие есть нехорошие парни. Она с одним дружила, он ее провожал до дома (мое воображение, конечно, работает, я знаю отлично, что значит провожать!). Оказывается он ее провожал до дома, а потом шел ночевать к женщине. После этого я не стал ей писать письма и постарался ее забыть. Петру я естественно ничего не сказал, а лет через шесть он мне прислал письмо на

Дальний Восток (он служил в Крыму), напомнил мне про Таню (скорее всего он сам был в нее влюблен) и мы с ним рассорились: я написал ему ответ в резкой форме.

Наступала весна! В Ейске она наступает в начале марта. Весна, весна, пора любви и вдохновения. Пора любви у меня прошла, а вдохновение еще не наступило.

Первое и самое главное – медицинская комиссия. Правда я не очень волновался. За какие-то полгода вес у меня стал 63 кг, рост 164 см, сказались ежедневные занятия спортом, к тому же наш физрук заставил меня вступить в секцию классической (французской) борьбы, потому что он, оказывается, сам был мастер спорта по борьбе. Он стал меня усиленно тренировать в моей весовой категории (у него были на то секретные расчеты, о которых я и не догадывался). В училище проводились ежегодно спортивные спартакиады: зимняя и летняя, которых обязательно должны были принимать участие курсанты всех полков, весь личный состав. Зимняя обязательная программа – гимнастика, нужно было выполнить все упражнения 3-го разряда. И по другим видам спорта каждый полк должен был выставить одну команду: бокс, борьба, баскетбол, волейбол и штанга. Помню еще, что это был приказ начальника училища генерал-лейтенанта Андреева, героя Советского Союза, который сам до войны был спортсменом, а сейчас у него в войну был поврежден позвоночник. За тройку на экзаменах по физмо могли и отчислить. По крайней мере, ходили слухи.

На зимней спартакиаде совершенно неожиданно мне присвоили звание чемпиона училища по классической борьбе в категории 53 кг: одного противника я победил по очкам, а остальные полки не выставили команды и за неимением противников мне присудили победу. Согласно правил мне присвоили 3-й разряд по классической борьбе.

Итак, медицинская комиссия. На этот раз она была еще более строгая! Электрокардиограмма, барокамера (поднимали на 4,5 км), центрифуга, различные тесты: например на большом экране загорается в каком-нибудь месте пятно. Его надо потушить красной кнопкой. Сразу срабатывает секундомер и фиксирует время. Я успешно прошел комиссию. Из наших сталинградских не прошли 2 человека. Рэм Милютин из Средней Ахтубы, помню мы с Петром его провожали. Через 21 год я его встретил в Ленинске, он был зам. Председателя райисполкома и некоторое время мы дружили семьями. Я был назначен в Ленинск в 1970-м году начальником района электрических сетей (РЭС-3).

В конце марта сдал теоретические экзамены. Теория мне давалась легко особенно полубил «теорию полета». Так стала называться аэродинамика в связи с тем, что партия развернула борьбу с космополитизмом. Все почти слова более или менее похожие на иностранные стали изменять на русские. Теория полета – неплохое название. Удивительная наука! В школе по физике мы учили теорему Бурнули. А теперь я узнал, почему возникает подъемная сила, зависимость коэффициента подъемной силы от коэффициента лобового сопротивления. α и q . Оказывается все просто! Поляра самолета (кривая Лилиенталя). Теория авиадвигателя, тактика ВВС, тактика ВМС, метеорология (аэронавигация) и самолетовождение – интереснейший предмет! Материальная часть – этот предмет

сдавали непосредственно на аэродроме. Вот стоит твой самолет и рассказывай, как он устроен. На центральном аэродроме ежедневно проходила предполетная подготовка. Проводил ее обычно или инструктор, иногда командир звена. Каждому выдали шлемофон, с инструктором садишься в кабину и тренируешься. Основные учебники КУЛП (курс учебно-летной подготовки на самолете ЯК-18) и НПП (наставление по производству полетов). Эти две книги надо было знать слово в слово. Кроме того на самолете УТ-2 (учебно-тренировочный моноплан) учились рулить по аэродрому. Первый раз я чуть не врезался в ограждение аэродрома. (Нам разрешили рулить по кромке летного поля. Я так вцепился левой рукой в сектор газа, что инструктор двумя руками еле-еле убрал газ, чтобы остановить самолет).

После майских праздников мы отбывали на полевой аэродром в станицу Ново-Щербиновку в 60 км от Ейска на юго-восток.

В палаточном городке разместились две эскадрильи. Наша вторая эскадрилья разместилась в двадцати палатках. Недалеко в 2-х километрах – летное поле. Так называемое грунтовка. Собрал нас командир полка, озвучил приказ: летать будем в две смены. Первая смена с 5.30 до 11.00. вторая смена с 12.00 до 18.00. Подъем: 1-я смена в 4.00, вторая смена в 8.00. Отбой, соответственно, первая смена – в 20.00, вторая – в 24.00. И начались полеты. Сначала нам повезло: 2-й эскадрилье назначили летать во вторую смену.

Первый полет ознакомительный. Взлетели мы с инструктором, набрали высоту 800 м над НовоЩербиновкой и пошли в «зону». И здесь инструктор мне говорит, сейчас буду вспоминать фигуры высшего пилотажа. И закрутил! Земля, небо, небо, земля, и так минут десять. Потом перешел в горизонтальный полет и спрашивает меня: «Где аэродром?». Я быстро сориентировался, нашел и показал: «Вот он!». «Молодец!». Сам я был бесконечно рад: как же! Побывал в «зоне», правда ничего не понял, но... какое это было счастье! Через некоторое время (может месяца через полтора) я сам, самостоятельно выполнял фигуры среднего пилотажа: комплекс (он входил у нас при сдаче экзаменов): *петля, боевой разворот, переворот через крыло.*

Учили нас летать в темпе. На аэродроме каждый раз разбивалось 2 старта: левый и правый. Причем так, чтобы ветер при взлете и посадке был встречный. Если ветер в течение дня менял направление, полеты закрывали и старты разбивали по новой. Выруливаешь на страт, запрашиваешь разрешение на взлет и все согласно КУЛПА (курс учебно-летной подготовки). За 14 часов должен научиться летать по «кругу» самостоятельно. А сейчас с инструктором. Взлет, «коробочка», посадка. 1-й разворот 200 м. 2-й – 300 м, 4-й – 200 м. у меня как-то все быстро пошло, кроме посадки: никак не мог схватить момент «выдергивания». А время идет! Максимальное количество часов – 16 – вывозные, контрольные. Если не научился за 16 часов, значит летать не способен и тебя отчисляли. Вот я и дрожал. Наконец получилось, я воспрял духом. Теперь контрольные полеты с командиром звена, с командиром эскадрильи и «добро» на самостоятельные полеты. Но!!! Полетел с командиром звена. А он такой нудный, вечно всем недоволен, вид у него, как будто страдает несварением желудка. Слышу в наушниках после первого разворота:

«Крен...». После второго: «Крен. Циплок мокрожопенький!». Делаю третий разворот: «Крен» и сплошной мат. Делаю четвертый разворот градусов 25-30, сажусь «кажется все отлично». Вылезаю из кабины: «Разрешите получить замечание?». И тут целая истерика: «Сколько градусов должен быть крен при развороте, ... вашу мать?!». «30⁰, товарищ капитан.» «А у тебя сколько?». «30⁰, товарищ капитан». Инструктор стоит рядом. «А у тебя – 35⁰... твою мать!». Подходит комеска. «В чем дело?». Инструктор объясняет. «Хорошо. Через полчаса полечу с тобой. Проверю.». Слетали с комэском. Что-то они после поговорили с инструктором. «Завтра полетишь самостоятельно!».

На это раз мы уже летали в первую смену. Утром, где-то часов в 10 вместо инструктора погрузили во вторую кабину мешок с песком (чтобы не изменилась центровка самолета), и... . Выруливаю на старт, запрашиваю взлет, даю полностью газ, отпускаю тормоза, взлетаю, первый, второй, третий разворот, четвертый, захожу на посадку, сажусь у «Т», заруливаю. Ребята выключили двигатель. Все! Подбегают ребята, подходит инструктор старший лейтенант Гузенко, все меня поздравляют. Так началась моя летная карьера, в середине мая.

А в середине июля (а может даже в начале) вызывает меня командир полка и подает телеграмму, заверенную врачом, что я запомнил, мне сразу бросилось в глаза: «Мама умерла». Командир распорядился, чтобы меня сегодня же доставили в Ейск. Позвонил в штаб училища, чтобы мне подготовили документы проездные. Утром рано я выехал на поезде в Сталинград. К вечеру был в Ленинске. Прихожу домой, а мама живая, оказывается врачи согласились подписать телеграмму. Я подошел, наклонился к ней, она меня узнала, сказала шепотом, еле-еле мне. Я все понял, ее последние слова, потом она мне прошептала: «Сыночек, я не хочу, чтобы ты был летчиком». «Почему, мама?». И еле слышно: «Они сгорают.». И потеряла сознание. Этой ночью она умерла. На следующий день состоялись похороны. Схоронили ее рядом с отцом. Чтобы запомнить, я у изголовья зарыл дубовый столб с дощечкой с вырезанной ножом буквой «П» и ствол самолетной пушки «ШКА» с диаметром 12,7 мм. В архиве нашей Ленинской администрации хранится газета «Ленинская правда» с некрологом моей маме.

На следующий день я уехал в Ейск, потом в Новощербиновку, спешил, как же, отстану – ведь надо летать. У меня уже был «полет» 42 часа. После, как вылетел самостоятельно полеты продолжались по определенной программе: по кругу, в зону, по маршруту, под колпаком, посадка без щитков. Не буду все описывать. Расскажу только про один случай. Теперь мы летали уже не с мешком с песком, а с пассажиром. Обычно это был курсант, свободный в это время от полетов. Я попросил Леву Лушниченко, с нашего звена. Здоровый рыжий парень (он у меня есть на фотографии). «Лева, слетаешь со мной в зону?». «Слетаю, с удовольствием». Полетели, отработали в зоне, возвращаемся, захожу на посадку, и вдруг красная ракета: «Закрыть полеты для перемены старта!». Иду на второй круг, разворачиваюсь. Правда старт не стали менять, просто ветер стих совсем. Выпускаю щитки, захожу на посадку, а на полосе самолет еще не зарулил. Снова на второй круг. Даю полностью газ, а щитки не убираю, пока не наберу 150 м. Смотрю,

температура масла - 105^0 . Немедленно создаю угол планирования, выключаю двигатель, перекрываю бензокран, убираю шасси, успеваю выключить пожарный кран и сажусь прямо перед собой. Планирую над полем пшеницы, удар об спинку сиденья. Короче «вынужденная посадка». Затем доложил руководителю полетов о вынужденной. «Вас понял». Потом только вспомнил, что у меня сзади пассажир. Смотрю, а Лева уже выскочил из кабины и стоит метрах в 20 от самолета, под глазом синяк, на лбу огромная шишка. Оказывается, когда самолет начал планировать, Лева отстегнул ремни и при приземлении он ударился лбом об спинку сиденья. Хорошо еще, что я удачно посадил. Ведь Як-18 не даром учебно-тренировочный самолет. Шасси у него убираются назад и фактически при приземлении на «живот» он катится. Надо только сажать аккуратно. Единственное повреждение – погнулся и, конечно, пришел в негодность ВИШ (винт изменяемого шага), стоил он тогда 5 тыс. руб., это мне инструктор сказал. Он боялся, что у него это вычтут из зарплаты. Однако все обошлось. Мои действия признали правильными, все согласно КУЛПА и инструкций, все живые, самолет отправили в Ейск в рембазу (авиаремонтные мастерские), нам пригнали новый.

В августе начались у нас уже экзамены полетной подготовке. В середине сентября – средний и высший пилотаж. У меня все четверки, кроме авианавигации – по ней – пять. Всех больше я любил летать по маршруту и практических ошибок у меня не было.

Перед отпуском, когда мы еще были в Новощербиновке, нам вдруг объявляют: «Завтра прыжки с парашютом!». Начальник ПДС (Парашютно-десантная служба) с утра собрал, провел своеобразный экзамен, объявил, что будем прыгать с Ли-2 по 18 человек по списку, согласно алфавиту. Парашют ПД-6. Я еще ни разу не прыгал, поэтому на следующее утро не очень волновался. Тем паче прыгать-то не сразу: сначала на А, Б, В и т.д., а потом уже на П, а вот Володя Щербинин, хотя и окончил Сталинградский аэроклуб, признался мне, что боится.

Короче, начали прыгать. Погода замечательная, почти штиль, дует ветерок метра 3 м/сек. Набираем 800 м. Прыгаем. Красота. Внизу Новощербиновка, летное поле, настроение отличное. Все делаю как учили, при приземлении все нормально, даже не понял почти, что приземлился. Собираю парашют кое-как, иду в «квадрат». А Ли-2 уже в воздухе. С инструктором смотрим. И вот, последняя партия. Смотрим, один летит к земле, парашют раскрылся, но курсанта закрутило, парашют закрутился вокруг него. Скорость ненормальная. Высота уже 500 м, сработал автомат ПАС, но что толку! Почему он не раскрывает запасной. И вот уже где-то на высоте метров 300 наконец-то раскрывается запасной. Раздается вздох облегчения, скорость уже немного снизилась. Основной тоже почти расправился. Приземляется раньше всех. Все в норме. И кто же выдумаете это был – Володя Щербинин!

В октябре – отпуск! В отпуск я поехал на Кавказ. Меня уговорил с ним поехать Жора Журавлев из нашей эскадрильи. Но об этом на следующей странице.

Жора знал, что я увлекаюсь охотой. «У нас там охота классная, в горах есть высокогорные озера, их называют Голубые. Там уток уйма!». «А ружье?». «Ружье достанем». Получили проездные документы до Минеральных вод, отпускные и

поехали в Кабардино-Балкарию, в поселок Баксан. От Минвод добирались на попутных. Через 2 дня были в Баксане. Здесь я впервые увидел горы. Так называемый Главный Кавказский хребет. Вернее я их почти не видел: то облака, то туман. Спрашиваю Жору: «Где же горы?». А Жора не может объяснить! «Да вон там Эльбрус». Еще какие-то называет. В общем, побыли мы у него в Баксане, потом поехали на горный курорт «Теберда», там подвесная дорога идет в горы, снег, люди на лыжах катаются, а мы ботиночках, в форменках, в бескозырках. Правда брюки у нас клеши на 40. Чуть не замерзли. Быстрее в Нальчик, а потом в Баксан.

В Баксане со мной на следующее утро приключилась история. Пошли мы с Жорой прогуляться. Подходим к берегу какой-то речушки, горной, конечно. Смотрю, стоит девушка и не решается переходить. Не долго думая подхватываю ее на руки и понес через речку. Глубина чуть меньше, чем по колено, правда, течение сумасшедшее и камни на дне. Ой, что здесь началось! Девчонка подняла такой дикий визг, вся извивается, того и гляди вырвется. Разобрал слова: «Валеги не надо!!!». А я уже на середине. Остановился, держу ее и говорю: «Будешь орать, вырываться, сейчас брошу в воду». Вижу немного потише стала. Перенес я ее на другой берег, поставил, обернулся, смотрю, Жора мне машет во всю, вид у него испуганный чрезвычайно. Перехожу по быстрому снова, а Жора мне: «Что ты наделал, теперь тебе надо срочно скрываться отсюда, а то тебя зарежут сегодня ночью! Разве можно было дотрагиваться до девчонки!!!». Я смеюсь: «Брось ты, Жора, я сам зарежу того, кто посмеет меня тронуть. Вот, правда, кинжала у меня нет». Пошли домой. Жора рассказал родителям, но они нас успокоили: «Может обойдется».

Однако утром я решил все-таки уехать: да и что мне делать было в Баксане. До конца отпуска оставалось еще две недели. Достал свой блокнотик с адресами, смотрю: «Минводы, 1-й терский конезавод. Красюкова». Да это же тетя Шура, моего двоюродного брата Виктора. Я с ним переписывался. Он жил в Краснодаре, у своего дяди (тетиного Шуры брата) и дал на всякий случай адрес. В общем к обеду я был уже в Минводах, а часа через два на конезаводе. Конезавод расположен у подножья горы Змейка. Тетя Шура жила в небольшом домике, муж – дядя Ваня (это, наверное, третий или четвертый) с дочкой Милкой, ей так было лет 12. Она меня встретила радушно, пообедали, выпили, я прихватил с собой бутылку водки, а дядя Ваня был до нее большой охотник. Я прожил там целую неделю. Побывал в Кисловодске, Пятигорске, на горе Машук, в Железноводске. Наконец-то увидел двуглавый Эльбрус: в Кисловодске была прекрасная погода, хотя в Минводах и Пятигорске все было закрыто облаками. Приехал в Ейск где-то 25-го, устроился пока в своем кубрике. В столовой поставили мне на довольствие по 2-й норме. С утра уходил на море, на городской пляж, погода стояла прекрасная, загорал, купался (вода была еще теплая). Тут и ребята все съехались, начальство.

Через неделю нас распределили по боевым полкам. Я попал в 3-й полк, летом он дислоцировался в станице Симоновка. Новый инструктор закончил 2 года назад училище. Мой тезка – Геннадий Константинов. В нашей летной группе Вовка Кочин, Володя Остапенко, Володя Розанов, Лыхенко Эрнст, Ваня Юдин.

3-й полк! Полк уже боевой. Самолеты ЯК-11. Правда самолет двухместный, учебно-тренировочный. Однако оснащен двумя пулеметами 12,7 мм. Инструктор, как я уже говорил, Геннадий Константинов, лейтенант. Я сдружился с Володей Кочинным. Он старше меня на 2 года. Кто не был армии, тот не представляет, что такое друг. Без друга в армии плохо. Кровати у нас стоят рядом, тумбочка – одна на двоих. Вовка веселый, юмор так и брызжет из него, на все случаи жизни. С ним легко. С ним мы дружили до окончания училища и после переписывались. Я просто влюбился в Вовку. Еще не раз буду рассказывать истории, которые происходили с нами.

На пороге был 1950-й год. Шли теоретические занятия, спортзал, тренировки. Командир полка полковник Ситнов вместо личного времени ввел по 1-му часу времени занятие в хоре. У него жена была артистка и вела у нас подготовку к смотру художественной самодеятельности. Разучивали песни Глинки «Славься ты славься ты Русь моя, славься вся русская наша земля...». Времени не было ни секунды, даже в воскресенье, вместо увольнения мы строем ходили в ДК. Иногда после репетиции отпускали в Матросский клуб на танцы. Да что толку, ведь я не умел танцевать!

У нас ввели новый предмет: теория воздушной стрельбы. Тогда прицелы были, в основном, оптические. Да и сама наука – сплошная физика и высшая математика. Вот тогда появилось такое выражение: «Дифференцирование – действие обратное интегрированию». Однако я быстро разобрался в оптике, пересечении лучей. У меня воображение было хорошее. Учебников не было, а лекции, которые мы записывали, сдавались после самоподготовки в секретную часть УЛО (учебно-летного отдела). Получали только на самоподготовку. Так что запоминать нужно было. Еще мне нравилась метеорология: синоптические процессы, циклоны, антициклоны, атмосферные фронты – что-то таинственное было в ней. Впервые я столкнулся с тем, что можно было с помощью науки предсказывать будущее, хотя бы примерно.

Раз в месяц курсанты в воскресенье назначались в наряды в караул. (Ведь стрелковой роте тоже надо было дать отдохнуть). За каждым курсантом была закреплена винтовка. Развод в 6 часов по полной форме, согласно уставу караульной службы: оркестр, дежурный по училищу принимает рапорт от начальника караула и... Вот я уже на посту. 1-я смена - с 8.00 до 10.00 на дальней бензобаза. Темная ночь, тоскливо на душе, вспоминаешь Ленинск, школу. Здесь я впервые на посту попробовал сочинять стихи. Пушкин, Есенин, Лермонтов, Вертинский... что все про луну.

Случай в казарме.

«Это было весной в одуряющем апреле, когда на Кубани уже все деревья распустили листву, а степь покрылась разноцветным ковром. Опять пост на дальней бензобаза. Только на этот раз я стоял в 3-ю смену, с 6.00 до 8.00. Вдоль кромки аэродрома проходит тропинка. И вдруг на тропинке появляется девушка на велосипеде в голубом комбинезоне. Я стою и не знаю, что делать! А девушка улыбается, и проезжает мимо. Красивая блондинка. Слышу топот. Поворачиваюсь –

разводящий со сменой Жора Жаркович, а кто часовой – не запомнил. Жора подбегает, запыхался... Кричит, почему пропустил? Снимает винтовку, целится в велосипедистку, стреляет. Она, правда, далеко уехала. «Почему не задержал?». «Так она же не на пост ехала, а рядом!». «Ладно, сдавай смену, как положено разберемся в караульном помещении!». Пока шли, Жора, вероятно, поразмыслил и понял, что он нарушил грубо устав караульной службы. Он обязан был сначала: «Стой, кто идет!». Потом: «Стой, стрелять буду!». Потом дать предупредительный выстрел, а потом уже стрелять на поражение. Короче перед караульным помещением он меня отозвал и сказал, что сейчас пока об этом ни слова, а если опять девчонка появится – задержать!! В 4 часа вечера я заступил снова на пост. В полшестого вижу едет «моя» велосипедистка. Стою на страже. Остается 10 метров. Я: «Стой, ни с места!!!». Девчонка еще проехала немного, останавливается, слезает с велосипеда, улыбается. Я: «Не двигаться! Стрелять буду!». А сам смотрю: красавица, блондинка, чуть курносенький носик, улыбается, ямочки на щеках. А глаза! Как небо после дождя! Немного погодя позвонил в казарму, прибежал Жора со сменой. В караульном помещении начальник караула проверил у нее документы, оказалось, что она работает у нас в училище, у нее пропуск, она проверяет показания каких-то приборов и прочая и прочая и все из караульной роты ее знают. Вот только Жора с придурью оказался. Наверное решил показать свою бдительность. Хорошо, что не дошло до начальства, что он стрелял! А я не мог позабыть эти голубые глаза! Но об этом потом.

В середине апреля прошли медкомиссию, сдали теоретические экзамены и в Симоновку: предполетная подготовка, вывозные полеты, контрольные и вот уже летаем самостоятельно. Взлет, посадка, зона, маршруты. Новое – стрельба по наземным целям: по квадрату. Так незаметно четыре месяца назад наступил 1950-й год.

1950-й год.

Симоновка, небольшая станица к северо-востоку от Ейска. По маршруту обычно летаем с инструктором через Таганрогский залив в сторону Украины.

Время летит! Программу выполняем. Неожиданно включили дополнительно новое упражнение: сразу после взлета и набора высоты – полет под колпаком. Конечно, с инструктором. У меня неплохо получается ориентировка. В середине сентября сдаем экзамены по летной подготовке и вот я уже на третьем курсе. Будем летать на лавочкиных, на ЛА-7. Машина мощная. Двигатель АИШ-82 (Анатолий Швецов). 16 цилиндров. Мощность 1600 л.с. Правда, ребята старшекурсники рассказывают, что очень строгий самолет на взлете и посадке. Посмотрим!

С первого октября отпуск. Я еду с Володей Кочинным в Рязанскую область Бельковский район село Гусь Железное. Едем до Москвы на поезде, а из Москвы до Рязани на пароходе. Посмотрим, что за Мещерские леса!? Отпуск проходит без особых приключений, если не считать того, что в Москве нас задержал один капитан за нарушение формы одежды: были расстегнуты верхние пуговицы бушлатов и виднелись 3 полоски тельняшки, но в училище за это нарушение мы

получили 2-е суток гауптвахты на двоих.

С 1-го ноября прошли медкомиссию (еще строже, чем в прошлом году) и приступили к теоретическим занятиям. По «теории авиадвигателя» большой курс. Турбокомпрессорный воздушно-реактивный двигатель (ТКВРД). Усиленный курс метеорологии, радиолокации и прочая, и прочая.

1951 год.

1951-й, зима, конечно, южная, снега нет, однако, иногда морозы до -10° . Теоретическая подготовка в полном разгаре. Как всегда раз в месяц ходим в караул. И вот в карауле, как-то в середине зимы со мной произошел чуть ли не трагический случай: я чуть не «загрел» под трибунал. Опять дальняя бензобаза, 1-я смена. Ввиду мороза на каждый пост выдали тулупы.

Но сначала сделаю небольшое отступление. Километрах в 5-ти от центрального аэродрома, на берегу моря находился небольшой рыбацкий поселок. В начале осени я познакомился, будучи в самоволке в воскресенье, с девчонкой Ниной. Голубые глаза, волосы цвета пшеничного поля, веселая. Между прочим, мы с ребятами в это поселок случайно забрели, шли по берегу моря и вдруг – поселок! А в поселке – девчата и самогон из винограда, а на закуску – домашняя кубанская колбаса!

И вот, зима, я стою на посту. Рядом дорога из Ейска вдоль моря. Вдруг: «Гена, привет!». Знакомые девчата идут из Ейска в поселок, вообще-то лучше назвать станицей, например, Воронцовка. «Привет, привет!». «Передать привет Нинке?!!». «Конечно передайте!». «А ты когда еще будешь стоять?». «С 12-ти ночи и до 2-х».

С 12-ти ночи я снова на посту. Ночь лунная, видно далеко. Почти у входа на бензобазу стоит пожарный щит, ящик с песком и еще какой-то набор пожарного инвентаря. Я поставил винтовку рядом со щитом, надел тулуп. Слышу кто-то: «Гена...». Девичий голос. «Нинка?!». С той стороны ограждения, со стороны станицы. Я отвечаю: «Сейчас подойду.» и, не снимая тулупа, почему, сам не знаю, иду в ту сторону. Прошел уже порядочное расстояние (а винтовка стоит у пожарного щита), и вдруг слышу, кто-то бежит по дороге со стороны караулки. Дорога вымощена булыжником, ночь, далеко слышно. Я кричу что есть мочи: «Стой, кто идет!». «Начальник караула!». Мне бы надо опять: «Стой, кто идет!». А я: «Начальник караула ко мне, остальные на месте!». А винтовка-то у меня стоит около пожарного щита! Сбрасываю тулуп и бегу, что есть мочи к пожарному щиту. Осталось где-то до винтовки метров 5 и подходит начальник караула: «Ну что, все нормально?». «Так точно, все нормально». А сам потихоньку двигаюсь к пожарному щиту. Наконец (ночь-то лунная) лейтенант замечает, что я без оружия. «А где у тебя винтовка?!». «А вот она!». Подбегаю к щиту, хватаю винтовку. Тут начальник караула о чем-то догадывается. «А тулуп где?». И, не дожидаясь ответа, быстро идет в дальний угол ограды в сторону станицы. Там, конечно, он ничего не обнаруживает. Подходит ко мне: «За то, что бросили оружие, вам, конечно, грозит трибунал. Сейчас я иду в караульное помещение, вас снимут с поста и препроводят на гауптвахту, а затем докладываю дежурному по части об этом ЧП и...».

Начальник караула ушел, а я, прежде всего, пошел за тулупом, принес его и положил в пожарный ящик. Будь он неладен! Ведь не будь его, и тогда не было бы вероятности пойти мне под военный трибунал. Жду, когда меня снимут с поста. Через час идут. «Стой, кто идет!». «Разводящий со сменой!». «Разводящий ко мне, остальные на месте!». Подошел разводящий, позади был кто-то из наших ребят. «Ну что, все у тебя нормально?». «Конечно все!». «Смена ко мне!». «Пост сдал». «Пост принял». Все по уставу. Приходим в караулку. Вызывает начальник караула. Инструктора нашего полка только не с нашей эскадрильи. Лейтенант. Окончил в прошлом году училище. «Вот что, Преферансов, не буду шум поднимать. Пятно на весь полк. А в наказание бери швабру и помой пол во всем караульном помещении, чтобы все блестело! Да не рассказывай никому!». «Есть, товарищ лейтенант!». Вот так я чуть было не попал под военный трибунал.

В начале марта началась у нас «предполетная подготовка» на боевых самолетах ЛА-7, а в середине апреля мы уже перебазировались на свой полевой аэродром в Симоновке. Начались полеты – вывозные, контрольные и самостоятельные.

В эскадрилье у нас всего 3 штуки учебно-тренировочных ЛА-7 (УТИ ЛА-7). Однако вылетели самостоятельно сравнительно быстро. Конечно на таком самолете чувствуется мощь двигателя. При взлете плавно берешь ручку на себя, тебя прижимает слегка к сиденью и минут через 5 уже набрал высоту 500 метров. Правда один недостаток – слабый обзор. Особенно впереди – слишком большой капот (двигатель 16 цилиндров). Станешь садиться – только слева земля видна. Зато в зоне души отводишь – иммельман, реверсман, двойной переворот через крыло: Такой маневренности я больше не встречал ни на одном самолете, как на Лавочкине.

По-прежнему дружу с Вовкой Кочиновым. Но он такой ленивый, его не затащишь в увольнение, даже на ближайшее отделение колхоза в 5-ти километрах от Симоновки, и я подружился с Володей Остапенко (он Сталинградский), играет на гитаре, поет: «И раз У-2, и два У-2, и три У-2». Мы с ним познакомились с одной девчонкой, агрономшей, но вот никак не пойдем, кого она предпочитает, все никак не выясним. Мне кажется, что она к Володе больше благосклонна, а Володе – что ко мне. Почему так подробно пишу? Потому что дальнейшие события показали...

Стрельба по «конусу», это когда «буксировщик» (обычно обыкновенный ЛА-7) в определенном квадрате над морем на высоте (на этот раз) 5 км тянет за собой трос, на конце которого закреплен обыкновенный из плотной ткани цилиндрический «конус». Расстояние от «буксировщика» - 250 м. Другой самолет приходит в заданный квадрат, атакует эту мишень и все фиксируется на фотокинопулемет (кстати, длина пленки – 200 м, чувствительность – 250 ед., я же все-таки фотограф. Сегодня должен отстреляться Володя Остапенко с нашей летной группы. Сидим «квадрата» ждем. «Конус» буксирует наш инструктор Гена Константинов. Вдруг слышим: «Внимание! В зоне №⁰... упал самолет. Летчик спустился на парашюте!». Голос не Константинова, а кого-то другого. Минут через 5. «Каталина» в воздухе». Это самолет-амфибия, который все время дежурил на центральном аэродроме. У меня так и екнуло сердце: «А ведь это наверняка случилось с Володей Остапенко!».

А получилось вот что: при заходе на конус сначала снаряд угодил в трос. Кусок троса ударил по плоскости (крылу) самолета, пробил отверстие, Лавочкин сорвался в штопор и завертелся вокруг четырех осей – вертикальной оси, горизонтальной, оси штопора и вокруг оси отверстия в левом крыле. Володя не растерялся, и в этой невообразимой карусели все-таки выкарабкался из самолета и спустился на парашюте. Парашют МПЛ (морской парашют летчика), и при приводнении надувается лодочка, так что здесь получилось все нормально. Вечером Володя уже был дома, но уже ни о каких походах в колхоз не могло быть и речи. Вообще про эту историю можно написать целый рассказ. На следующий день нам уже дали новый «Лавочкин» и полеты продолжались.

В сентябре из 3-го полка вызвали в штаб училища 25 курсантов, из 5-го тоже. Нам объявили, что согласно приказу Главнокомандующего Военно-Морских Сил, наш выпуск задерживается еще на один год. Через полмесяца примерно сдали экзамены по учебно-лётной подготовке, прошли медкомиссию, переехали в Ейск. Поселили нас непосредственно на центральном аэродроме в двухэтажном здании. Над центральным аэродромом появились реактивные самолеты (штук 5) МИГ-15. Догадывались, что весной (а может уже зимой) нам предстоит их осваивать.

А пока нас отправили в отпуск. После отпуска занятия в УЛО. Кроме основных дисциплин по тактике ВВС, тактике ВМС усиленно; теории авиадвигателей (конечно реактивных) усиленно изучали американскую технику, структуру ВВС, тактику воздушного боя, в общем, все новейшие данные противника. Кроме того, досконально, еще раз, метеорологию, синоптические карты.

1952 год.

Весна! Предполетная подготовка. МИГ-15 – прекрасная машина! Мощность двигателя ТКВРД в 4 раза больше чем у ЛА-7. Вооружение – 2 пушки НР-25 и 1 – Н-37, располагается впереди под фюзеляжем. Через некоторое время вывозные полеты на УТИ-МИГ-15. Это сказка! И вот уже самостоятельные полеты.

Прошел май. Где-то в начале мая наши инструкторы, командиры звеньев, комеска (у нас уже другой – майор Глазов, а Жарков с повышением был направлен на ДВК) улетели в Крым на переподготовку.

Прошел слух, что нашу эскадрилью в июле тоже отправят в Крым. И вот мы в Крыму, на авиационной базе «Кача», в 25 км от Севастополя, на северной стороне. Самолеты перегоняли инструкторы, а мы на поезде через ст. Лазовая. Оказывается, через 10 дней (конечно это военная тайна!) должны начаться крупнейшие учения в черноморском бассейне Черноморского флота совместно с авиацией ВМС и согласно приказу командующего авиацией ВМС мы должны принять участие в этих учениях. Пока мы еще смутно представляли, в чем оно будет выражаться.

Аэродром «Кача» оборудован 4-мя взлетно-посадочными полосами. Две полосы – взлет в сторону моря и две – от моря в стороны степи. Расстояние между полосами примерно 100 м. Две полосы – взлет в степь – предназначены для дежурных средств: два звена – готовность № 1 и готовность № 2. А две полосы –

взлет в сторону моря – для учебных полетов. Каждый курсант ежедневно должен отлетать 45 минут по специальной программе. Почему я все это подробно излагаю – наше дальнейшее пребывание, и участие в учениях оказалось в зависимости от этих ВПП.

На следующий день полеты. Программа – облет аэродромов Крымского полуострова. Сначала знакомство по карте, затем взлет парой – инструктор – ведущий, курсант – ведомый. Не буду писать сколько в Крыму аэродромов, тогда бы для этого, наверное, потребовался целый лист.

Отлетал я с инструктором, сижу в квадрате. Вдруг слышен грохот, с правой стороны (это не наша полоса) пыль столбом. Ближе к делу курсант Сафонов зарулил на стоянку, где стояли на старте ДС(ы), повредил свой МИГ и еще 2 дежурных. Причина – не убрал полностью газ при приземлении, испугался, что упадет в море, развернулся и врезался в ДС(ы). Короче, скандал на всю морскую авиацию. Курсантам вообще запретили летать и мы почти месяц просидели на «Каче» (где все иначе, 99 плачут, а один смеется – такая там ходила притча). Затем опять на поезде возвратились в Ейск и начались обычные летные будни.

Вообще я немного подробнее объясню, почему Сафонов не мог до конца убрать газ (300 оборотов). На первых МИГах, если резко убрать газ, то были случаи, что двигатель «обрезал» и поэтому на секторе газа был установлен ограничитель, который при приземлении большим пальцем (это такой рычажок) убирался. Сафонов же «с перепуга» не смог сообразить и результат налицо.